

К проблеме связи поэтического текста с доктринами суфийских братств: суфийская поэзия А. Лахути

Н. И. Пригарина

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>; e-mail: prigarina@gmail.com

Резюме: в статье речь идет о ранней поэзии Абулькасима Лахути – разделе Диван, изданном впервые Али Башири в 1979 г. в Тегеране и обозначенном как *Аш'ар-е мазхаби ва 'эрф'ани* («Религиозные и суфийские стихи»). Если революционные, патриотические, лирические стихи Лахути, публиковавшиеся начиная с 1909 г., широко известны, много раз изданы и изучены, то ранняя поэзия Лахути как бы не принималась во внимание при построении творческой биографии поэта. Выявить взаимосвязь газелей поэта с принадлежностью их автора к какому-либо суфийскому братству или направлению, как правило, довольно трудно, если не иметь об этом прямых сообщений биографов или сведений о его наставниках-шейхах. Сказывается ли идеология того или иного братства в поэтике газели – один из самых малоизученных вопросов текстологии. В упомянутый раздел входят традиционные жанры – воспевание единства Божьего – *таухид*, *на'т* – восхваление пророка Мухаммада, Али, имама Хусейна, оплакивание событий в Кербеле, восхваление наставника поэта шейха Хейрана Курдистани и еще ряд произведений. Вторую часть раздела составляют 107 газелей. Как сообщает Лахути в автобиографии, он вступил в суфийское братство. В этой статье мы сосредоточимся на связи ранней поэзии Лахути с доктринами суфийских братств, отраженных в поэтике его газелей: в творчестве этого периода можно найти знакомство с доктриной братств *не'маталлахи*, *ахл-е хакк* или *'али-илахи*. У поэта было несколько наставников, каждый из которых представлял свой тип суфийского пути – экстатически-визионерский, воинствующий и, наконец, путь скромного безгрешного поведения и довольствования малым, и ранняя газель Лахути соответственно отражает и эти типы поведения.

Ключевые слова: братство; газель; исмаилиты; Лахути; Минорский; суфийский орден; 'али-илахи; ахл-е хакк; не'маталлахи

Для цитирования: Пригарина Н. И. К проблеме связи поэтического текста с доктринами суфийских братств: суфийская поэзия А. Лахути. *Ориенталистика*. 2019;2(4):1021–1037. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-1021-1037.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Linking the poetical text and the doctrines of Sufi brotherhoods: Sufi poetry of A. Lahuti

N. I. Prigarina

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>; e-mail: prigarina@gmail.com

Abstract: the article deals with the poetical heritage of Abulqasim Lahuti, more precisely his poetical works of an early period, which constitute a special section in his collection of poems, the *Divan*. It was published in Teheran as early as in 1979 by 'Ali Bashiri under the title *Aš'ār-e mażhabi va 'erfāni* («Religious and Sufi verses»). The revolutionary, patriotic and lyrical poetical works by A. Lahuti published since 1909 are well-known. However, his early poetry, which reflects the time when he was in contact with various Sufi brotherhoods remains almost a *terra incognita* for most scholars who have been studying his poetry ever since. Moreover, the existence of such poetry of his was hardly even accounted for, at least by the Soviet scholars who made attempts to reconstruct Lahuti's biography as a poet. Usually, it is difficult to link an author of a poetical piece (*ghazal*) with a certain Sufi brotherhood or school unless there is a direct indication left by his biographers that he was taught by certain sheiks. One of the least researched questions in the text studies remains, whether an ideology of a given brotherhood can be traced in the poetic features of a given *ghazal*. The section from the *Divan* by A. Lahuti contains traditional "genres", such as the *tawhīd* (the Unicity of the Almighty); *na't* (praise to the Prophet Muhammad, praise to 'Ali and Ḥussain); lamentation on the events in Karbala; praise to Sheikh Ḥayrān Kurdistāni and some other works. The second part of the section comprises 107 *ghazals*. As A. Lahuti mentions in his autobiography, he became a member of a Sufi brotherhood. The article explores the connection between the early poetry by A. Lahuti and the doctrine of Sufi brotherhoods as reflected in the poetics of his *ghazals*. His work of this period reveals his awareness of the doctrines of *ne'matullāhi* and *ahl-i ḥaqq* (or '*Ali-ilāhi*') Sufi orders. The poet had three mentors, each of whom represented the following types of the Sufi Path: ecstatic and visionary one; a militant one; and a humble one praising holy behaviour and being content with little. The early *ghazals* by A. Lahuti respectively reflects these types of the Sufi Path.

Keywords: brotherhood, Sufi; *ghazal*; Lahuti, Abulqasim (1887–1957); Minorsky; Sufi, order; '*ali-ilahi*'; *ahl-e haqq*; *ne'matullāhi*; *Ismā'ilīs*

For citation: Prigarina N. I. Linking the poetical text and the doctrines of Sufi brotherhoods: Sufi poetry of A. Lahuti. *Orientalistica*. 2019;2(4):1021–1037. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-1021-1037.

Введение

Как известно, классическая эпоха персидской поэзии простирается до начала XX в. В этой статье речь пойдет о малоизвестной странице творчества Абулькасима Лахути (1887–1957) – его ранней поэзии, несомненно находящейся в русле классической традиции и относящейся к концу XIX – началу XX в.

Общепризнано, что А. Лахути и в своем позднем творчестве следовал многовековому поэтическому канону, стремясь наполнить его формы новыми смыслами. Но ранняя его поэзия полностью отвечает понятию классической литературы, вписывается в этот канон и может считаться прямым продолжением лирики Хафиза, Саади, 'Аттара, Руми и многих других поэтов.

Рассматриваемые произведения составляют раздел Дивана, изданного впервые Али Башири в 1979 г. в Тегеране [1], и обозначены как «Религиозные и суфийские стихи» (*Аш'ар-е мазхаби ва 'эрфани*). Если революционные, патриотические, лирические стихи Лахути, публиковавшиеся с 1909 г., широко известны, переведены на русский язык, на котором много раз изданы, и изучены, то ранняя поэзия Лахути, отражающая время его пребывания в рядах суфийских братств, была в свое время практически недоступна большинству советских исследователей. Более того, ее существование как бы вообще не принималось во внимание при построении творческой биографии поэта¹.

Выявление связи газели с принадлежностью автора какому-либо суфийскому братству или течению, как правило, представляет определенную трудность, если не иметь об этом прямых сообщений биографов или сведений о наставниках-шейхах (*пир*). Сказывается ли идеология того или иного братства в поэтике газели, – один из самых малоизученных вопросов текстологии.

В рамках небольшой статьи мне хотелось бы отчасти восполнить отсутствие исследований в этой области на примере ранней поэзии Абулькасима Лахути. При ее написании были использованы воспоминания самого поэта, назвавшего те суфийские братства, с которыми ему пришлось иметь дело; исследования отечественных ученых, сделанные в начале века, в которых впервые описаны доктринальные особенности братств, подобных тем, в которые вступал юный поэт; и, наконец, сами стихи, где прямо или в виде намеков упоминается опыт молодого поэта, облекшегося в суфийское платье.

Первая часть упомянутого раздела Дивана Лахути состоит из религиозных произведений крупных форм (строфические поэмы *тарджи'банд*, *таркиббанд*, *мухаммас*). Раздел начинается с традицион-

¹ Обращением к этой теме я обязана Лейле Гасемовне Лахути. В 1987 г. в г. Душанбе отмечался 100-летний юбилей А. Лахути, и в Институт востоковедения были присланы приглашения на конференцию, посвященную этому событию. Я решила подготовить доклад и посоветовалась с дочерью поэта, в то время поступившей на работу в Институт. Ее семья была обладателем уникального издания, отсутствовавшего в библиотеках и частных собраниях. Поэтому, с разрешения Ц. Бану, матери Л. Г. Лахути, мне был дан для подготовки к докладу Диван, изданный Али Башири [1]. К слову сказать, в Душанбе того времени тема показалась, по-видимому, неподходящей, и выступить мне не дали. Однако в Москве в Институте мировой литературы им. Горького я получила возможность прочитать доклад на тему «Ранняя суфийская поэзия Лахути».

ных жанров, а именно: *таухид* – воспевание единства Божьего, *на'т* – восхваление пророка Мухаммада, славословие 'Али и Хусейну, оплакивание событий в Кербеле, туда же входит и объемная поэма (*кит'а*) «Восхваление старца-[наставника]» (*Сет'айеш-е нур*), посвященная первому наставнику юного Лахути на суфийском пути – шейху Хейрану Курдистани [1, с. 750–755]. Вторую часть раздела составляют 107 газелей, раздел озаглавлен «Религиозные и суфийские газели» (*Газалий'ят-е мазхаби ва 'эрфани*). Газели, за малым исключением, невелики по объему, в среднем от 8 до 13 бейтов. Интересно, что вопреки традиции составления Дивана, составитель (или сам автор) дал каждой газели заголовок в соответствии с *нукта*, самой яркой мыслью или образом газели. В этом есть и нарушение общепринятого правила, и в то же время этот прием хорошо организует текст раздела. Названия указывают также на характерную черту газелей Лахути – их связность. Как правило, в газелях просматривается семантическая связь между бейтами², и стихотворение выступает как единое целое по содержанию и логике развития темы.

Биография

В *Дибаче* – предисловии к Дивану – Али Башири называет первой датой публикации стихов Лахути 1900 г., отмечая, что в газете «Тарбийат» от 13 апреля этого года в редакционном примечании сообщалось, что поэту 17 лет (если верить официально называемой дате рождения, на самом деле ему было 13), что он сын поэта Ильхами. Путаница с возрастом неудивительна, обычно даты рождения зашифровывались в хронограммах³ и стихах на случай и были постоянным предметом дискуссий биографов. Али Башири считает, что Лахути было 15 лет. Он приводит слова из газеты, в которой отмечается поэтическое мастерство юного поэта: в этом возрасте «сам Рудаки не писал лучше» [1, с. *бист-о шеш*].

В стихах поэт не раз упоминает свой юный возраст. Так, например, в поэме «Восхваление старца-[наставника]» он жалуется на то, что его сотоварищи по братству относятся с подозрением к его поэтическому дару, не верят, что столь юное существо способно создавать зрелые стихи:

Братья по *тарикуту* терзают мои жилы,
Слова их вонзаются в мое сердце, как стрелы.
Один поет: «Лахути и такие стихи,

² Бейт – единица поэтического произведения в персидской литературе, стих. Обычно состоит из двух полустиший, на письме расположенных либо в одну строку с разрывом, либо в одну строку под другой.

³ Хронограмма – стихотворная строка, в которой зашифрована дата; каждая буква в тексте соответствует цифре по счету *абджад*, о хронограмме на рождение А. Лахути см.: [2, с. 36].

Когда его разумению еще далеко до понимания искусства?!»
Другой говорит: «Это – уловки Ильхами,
Мол, о Суруша приходят к нему слова стихов.
Иначе – незрелое дитя и такие речения?!
Недоступны они малолетку» [1, с. 751]

В газелях также содержатся указания на юность (*кудаки*) автора, причем это один из наиболее часто повторяющихся мотивов.

Бехаиты

Лахути был еще ребенком, когда слава его как подающего надежды поэта распространилась на его родине – в Керманшахе. В этом городе была большая и богатая община бехаитов⁴. Семья жила очень скудно, несмотря на признание, которое Ильхами уже получил как поэт, ему приходилось подрабатывать ремеслом башмачника. Неожиданно ему поступило приглашение от бехаитов прийти на их собрание и привести с собой сына. «В скором времени в одном из больших залов в богатом доме Керманшаха состоялось тайное пышное собрание, в котором участвовали около пятидесяти бехаитов. <...> Бехаиты сказали отцу, что отправят меня за их счет учиться в Америку и совершенствоваться в поэзии. Они дали обещание материально так обеспечить нашу семью, чтобы она ни в чем не испытывала затруднений. Как мне кажется, меня привели на это собрание с целью найти средства поправить наши материальные дела. На собрание мы опоздали. Первое, что бросилось мне в глаза, – едва мы вошли в зал, как все присутствовавшие, люди пожилые, вскочили с мест с серьезным выражением на лицах и словно перед престолонаследником стояли, приложив руки к груди. Двое из руководителей подхватили меня и отвели на почетное место. Я был чрезвычайно смущен, что мне пришлось сидеть на более почетном месте, чем эти уважаемые люди и мой отец. Вдруг один высокий, относительно молодой человек поднялся, достал очень красивую папку, в которой лежала доска со “священной” надписью, так называли письма Бахауллы. Папка лежала на небольшом столике среди цветов. Этот человек взял папку, поцеловал ее и потер ею глаза. Из уважения к этой “скрижали”, на которой Бахаулла оставил свои письма, все присутствующие вскочили. Молодой человек начал читать. Торжественным голосом раздельно он произносил каждое слово. Я хорошо помню, что это было адресовано лично мне, и оно начиналось так: “О, слуга всевышнего престола! Благодарю бога, что ты своим внутренним оком увидел истину и под благословенной сенью вкусил из вечного

⁴ Бехаизм (бахаизм) – религиозное и социально-политическое течение в Иране, в настоящее время широко распространившееся за его пределами, названо по имени его основателя Бахауллы (1817–1892). Бахаиты считают Бахауллу пророком, тогда как мусульмане именуют его лжепророком. Величественный бахаитский комплекс с мавзолеем Бахауллы находится в г. Хайфа (Израиль).

источника просвещения...”. Смысл этого “послания” заключался в том, что я, Лахути, – одно из чудес той святой веры, которая послала мне в моем малолетнем возрасте поэтический дар. Письмо, которое именовали скрижалями, было написано стихами, в нем содержались сравнения, аллюзии. Нужно признать его литературные достоинства.

При каждой фразе, которую читающий произносил нараспев, присутствующих охватывала дрожь восторга, и они как-то странно начинали размахивать руками, мне казалось, что все плакали слезами умиления и впадали в дервишеский транс. <...> После чтения письма встал другой оратор и, спросив у меня позволения, торжественно прочел мое небольшое стихотворение, имевшее некоторый суфийский смысл. Слушателей снова охватил порыв страсти и волнения.

Собрание кончилось. Мы вернулись с отцом домой. Ту ночь я провел в муках и тяжких раздумьях. Даже и на следующую ночь я не смог уснуть. Представители бехаитов чуть ли не каждый день приходили к отцу и уговаривали его послать меня в Америку. Я чувствовал, что бедный старик оказался в трудном положении. Он решительно не поддерживал бехаизм, но его прельщали обещания этих людей и надежды на мое “счастье” и “счастье” всей семьи» [2, с. 46].

Отец так и не принял приглашения бехаитов, и Лахути, по его словам, стал искать истину в суфизме.

Суфии

Точно неизвестно, когда поэт вступил в дервишеское братство, «известно только, что это случилось, когда он был еще подростком» [2, с. 47]. В своих воспоминаниях поэт пишет: «После этого я искренне уверовал в суфийское учение и принял участие в собраниях ордена *не’маталлахи*, в который входили факиры (в суфийской терминологии, “довольствующиеся малым”. – Н. П.). <...> Одно из условий вступления в орден *не’маталлахи* заключалось в том, что член его не мог съесть и куска лепешки, не добытого собственным трудом. Другое неизменное условие требовало от приверженцев секты обязательно любить и уважать простой народ. Мне чрезвычайно импонировали эти идеи, так как я находился под влиянием таких выдающихся суфийских поэтов, как Хафиз, Шейх ‘Аттар, Моулави, Нурали-шах и им подобных» [2, с. 47].

В настоящей статье поставлена задача – найти взаимосвязь между принадлежностью поэта к тому или иному суфийскому братству и его поэзией. Для ее достижения полезно разобраться, почему эти братства упоминаются как синонимы, какие доктринальные особенности отмечаются у каждого из них и, наконец, отразился ли личный суфийский опыт в ранних газелях юного поэта.

Основными этапами постижения истины братства *не’маталлахи* были: *таслим* (покорность Богу), *зухд* (аскетизм), *факр* (нищета, доволь-

ствование малым), *ридā* (согласие), *махабба* (любовь), *фанā* (небытие), *вафā* (верность) [3, с. 192].

В воспоминаниях назван также другой дервишеский орден – «люди истины», *ахл-е хакк*. У *ахл-е хакк* были свои требования к адептам: *пāки* – «чистота», внешняя и внутренняя; *рāсти* – «прямота», прямой путь: рабство перед Богом, воздержание от лжи и греха; *нисти* – «отсутствие», отсутствие гордыни и высокомерия, эгоизма и самодовольства, *фанā фи-ллах* – «самоотречение и небытие в Боге», *ридā* – помощь, служение и самопожертвование без лицемерия, «требование собственного труда и отдохновения друзей»⁵.

Прежде всего, хочется понять: идет ли речь об одном и том же братстве или это два разных, членом которых поэт был последовательно? Не виновата ли некая аберрация памяти, ведь автор воспоминаний сам отмечал, что пишет их в возрасте 70 лет, время, когда более поздние впечатления часто накладываются на более ранние и заслоняют их.

Начнем с того, что некоторые из персонажей воспоминаний постоянно упоминаются как «люди истины» (см.: [3]). Такое братство, или скорее секта (*фирка*)⁶, действительно существует и второе ее название '*али-илахи* [4]. Истоки названия «люди истины» обнаруживаются, если пойти по следам ученых, упоминающих о возможной или наличествующей связи учения этой секты с исмаилизмом [5]. Процесс инклюзии исмаилитских идей в суфийские учения, по всей видимости, начинает активизироваться после монгольского нашествия и разрушения государства исмаилитов.

«Крепость Аламаут, как и другие крепости исмаилитов в Иране, – писал А. Корбен, – была разрушена монголами в 654/1256 г. Исмаилизму осталось только уйти в подполье, накинув на себя плащ (*хирка*) суфизма» [6, с. 104].

Упоминание «людей истины» (*ахл-е хакк*) встречается уже в трактате исмаилитского мыслителя и ученого Насир ад-Дина Туси (1201–1274) «Сад повиновения» (*Равза-йе таслим*) или «Фантазии» (*Тасавворāt*) [7]. А. Корбен называет это произведение великой книгой [6, с. 105]. Говоря о «людях истинного знания», «людях истины», Насир ад-Дин Туси имеет в виду исмаилитов низаритского толка⁷. В 18-м разделе трактата (*Тасаввор-е хеждахом*) «О причине малочисленности людей истины (*ахл-е хакк*) и большого числа заблуждающихся» Насир ад-Дин Туси ссылается на Коран [34:12]: «Но немногие из моих рабов благодарны», и характеризует их как «класс людей истины» (*табаке-йе ахл-е хакк*) [7, р. 92]. «Но большая часть людей не знает» [Коран 7:178] – это люди невежественные (*бāтел*) [5, р. 92]. Туси продолжает: «Однако люди истины, будучи

⁵ О других особенностях идеологии *ахл-е хакк* см.: [14].

⁶ В. Ф. Минорский называет *ахл-е хакк* сектой [14, с. 260].

⁷ Низариты – ветвь иранских исмаилитов. О низаритах см. также: [14].

людьми умными, способными анализировать и воспитанными, – мало-численны. Но их описание таково: у них чистые сердца, ясное зрение, слышащие уши, языки, говорящие о божественном единстве, и глаза, созерцающие царство Божие. Их немного и они нищие духом (*заиф ал-хāl*)» [7, р. 79, р. 94]. Далее о людях истины говорится, что они стремятся к совершенству души (*талаб-е камāl-е нафс*) [7, р. 121], что они заботятся о теле ради контроля над душой, и высказывается много соображений о том, что подобает исмаилитам, считающимся *людьми истины*.

Фархад Дафтари в капитальном труде «Исмаилиты. Их история и доктрины» [8] отмечает, что сами исмаилиты указывают на использование суфийской терминологии и суфийских доктрин. «Интересно отметить, – пишет Дафтари, – что низариты упоминаются в *Пандийате*⁸ в суфийской терминологии как *ахл-е хакк* или *ахл-е хакикат*, люди истины, тогда как сам имам именуется как *пир, муршид и кутб*» [8, р. 469].

Другими словами, понятие *люди истины* терминологически отрывается от исмаилизма и переходит в ведомство суфизма.

Дж. Тримингем писал, что идеи имамитов, т.е. шиитов, и «исмаилитов (правда, в меньшей степени) выживали под суфийским одеянием» и возрождались в новых орденах, в частности не‘маталлахи [9, с. 51]. Это может послужить и имплицитным указанием на связь исмаилизма с сектой *ахл-е хакк*, или «люди истины». Ф. Дафтари отмечает, что в конце XV в. несмотря на наметившийся ренессанс исмаилизма, низаритские имамы не только продолжали позиционировать себя как суфии, но в некоторых случаях выступали как последователи суфийского *тариката* не‘маталлахи [8, р. 467].

Братство не‘маталлахи было распространено в Иране. По словам В. Иванова, которые приводит Дж. Тримингем, «эта *тарика* всегда отличалась большой разборчивостью при приеме новых членов, занимая положение “аристократической организации”, и оставаясь в глазах людей ортодоксальными шиитами» [9, с. 89].

Секта «Люди истины» [3] (*ахл-е хакк*), или *‘али-илахи*, с точки зрения ее исмаилитских идейных начал⁹, была в этом плане связана с не‘маталлахи¹⁰. Она имела распространение в Иране, в основном среди курдского населения, и принадлежала к крайнему шиитскому *мазхабу* хуруфитов¹¹.

⁸ *Пандийат-е джаванмарди* («Назидания доблестным мужам») – собрание проповедей Мустансира Биллаха II, низаритского имама XV в. [8, р. 468].

⁹ О некоторых перекличках исмаилитских доктрин с учением *‘али-илахи*, или *ахл-е хакк*, см.: [5].

¹⁰ См. также о том, что во время революции 1905–1909 гг. в концепциях разных ветвей Не‘матуллахи «нашли заметное отражение взгляды шиитских общин шахийа и ‘али-илахи...» [3, с. 192].

¹¹ О связи *ахл-е хакк* с идеями хуруфитов см.: [9, с. 75].

Что касается времени пребывания Лахути в дервишах, можно предположить, что верхней границей этого пребывания был 1905 г., время первой революции в Иране, – снимок Лахути в одеянии дервиша являет его нам в достаточно молодом обличье.

Что известно о секте (*фирка*) людей истины

Со временем начала революции 1905 г. в России, а затем в Иране, совпадает научная командировка в Иран В. Ф. Минорского, издавшего затем «Материалы для изучения персидской секты “Люди истины” или ‘Али-илахи» [10]. К моменту издания этого труда литература о «Людях истины» насчитывала около 50 названий, в число которых входила и публикация В. А. Жуковского [11] в 1886 г. (за год до рождения Лахути), записавшего в Ширазе 34 стихотворения этой секты¹².

В. Ф. Минорскому же посчастливилось в 1904–1905 гг. найти книгу *Китаб-е саранджам* («Книга свершения»), содержащую теогонию секты [10]. Важное место в теогонии *ахл-е хакк* занимает Солнце – солнечный царь мира Хошин, чудесным образом зачатый девственницей от луча Солнца. Среди повествований *Саранджам-наме* – рассказы о чудесах, совершенных царями мира и ангелами (история о чудесном прокормлении женщины, жарившей камни голодным детям и обнаружившей барана в своем котле, о даянии ангелам четырех кусков лепешки бедной женщиной: когда ангелы сложили эти куски, выяснилось, что женщина отдала всю лепешку и осталась без еды, в знак благодарности они даровали ей дитя). Обращает на себя внимание тема избавления от страданий (*неджат*) и заступничества за сырых и убогих, явно звучащая в книге.

Ахл-е хакк признают семь последовательных перевоплощений божества *Хавандагар*, которое до этого находилось в жемчужине, и сопровождающих четырех ангелов (*й̄ārān-е ч̄ār малак*): Джабраил, Микаил, Исрафил и ‘Азраил. Перевоплощение обозначено как «переход в другое обличье» (*бе леб̄ас āмадан*)¹³. Поскольку слово *леб̄ас* также имеет значение «платье», В. А. Жуковский остроумно называет это «воплотиться». Второй аватарой после появления божества *Хавандагар* является Муртаза ‘Али. (В этом учении номером первым идет не пророк Мухаммад, а именно ‘Али.) При нем ангелы воплощаются в Салмана (Фариси), Канбара, пророка Мухаммада и Нусайра. В третьем перевоплощении ангел ‘Азраил перевоплощается в поэта суфия Баба Тахира Урйана

¹² В. Ф. Минорский дает только название на английском языке: V. A. Žukovsky. A Kalam of 34 verses, «The Credo», in Zap. 1887, 1–25 [12, p. 263]; в полной библиографии В. А. Жуковского эта работа не указана ни в одном из разделов: публикация, реферат, сообщение.

¹³ См. о перевоплощениях Совершенного человека (*ал-инс̄ан ал-камил*) у Джали: «В каждом столетии он носит имя, соответствующее его обличью (*либас*) в этом веке» [9, с. 238].

(ум. 1026/29). В четвертом – при Султানে Сохаке – ангел Микаил перевоплощается в Давуда. При этом 'Али «полностью перекрывается» фигурой Султана Сохака» [12, р. 260–261].

В практике секты был принят обряд побратимства, а также обряды кровавых и бескровных жертвоприношений. При посвящении в секту практиковалась процедура¹⁴, после которой между братьями по тарикуату устанавливалась кровнородственная связь. Над головой проходящего инициацию разламывали мускатный орех, вокруг стояли пять человек, символизирующих *пятерых* ангелов, где четверо были указанные выше Джабраил, Микаил, Исрафил и 'Азраил, а пятый – Рамзбар, или Разбар, ангел женского рода, который представлял собой воплощение матери Султана Сохака по имени Хатун Дайира [12, р. 261]. Мы уже приводили пример того, что в газелях «братья», *барāдарāн-е тарик*, братья по суфийскому пути, упоминаются скорее с негативной коннотацией. Похоже, что, каждый раз меняя наставников, Лахути испытывал разочарование в несоответствии их проповеди и тех моделей поведения, которым они и их приверженцы следовали. Отсюда и жалобы в адрес «братьев по тарикуату».

Есть еще много интересных особенностей генезиса, догматики, метафизики и ритуалов секты, но исчерпывающее исследование связи с догматикой указанных братств в газелях Лахути – дело будущего.

Соображения о синкретизме учения «людей истины» высказывают многие исследователи. Позднее сам А. Лахути писал: «Али-аллахи (так в тексте перевода. – Н. П.), хотя и вышли из мусульманства, но фактически не являются мусульманами. В этой секте воплотилась древнеиранская религия, согласно которой божество присутствует среди людей и воплощается в одном из них. Таким человеко-богом для них является 'Али. Мохаммад, по их убеждению, только пользуясь помощью 'Али, мог достичь некоторого успеха, но ввиду того, что он не вполне слушался Али, его дело было обречено на неудачу» [15, с. 62].

Суфийский путь А. Лахути

Как указывает Али Башири, сначала юный Абулькасим стал муридом Хейрана Алишаха Керманшахи, который был одним из самых известных дервишей, считалось, что он наделен благодатью и может творить чудеса (*карамат*). Хейран Алишах сам был поэтом, ему принадлежит Диван на курдском языке. С участием в этом круге суфиев связано указание в «Воспоминаниях» об экстатически-визионерской практике. Члены этой секты практиковали *джам'* (сборища суфиев) с пением газелей, доводящим до экстаза, терьяком, ароматическими камфарными свечами

¹⁴ Даем описание по: [12], однако есть упоминания и других ритуалов (см., например: [3, с. 191–193]).

и другими возбуждающими средствами [2, с. 47]. В газели, озаглавленной «Источник 'эрфана» [1, с. 812], посвященной Хейрану, упоминается еще о некоторых формах экстатического поведения:

Хлопая в ладоши, выпей благодарственный кубок, Лахути,
Ибо глава *творящих чудеса (ахл-и карам)* накрыл стол щедрот.

[1, с. 812]

Хлопанье в ладоши – характерный жест во время суфийских танцев (часто добавляется топание ногами), благодарственная чаша, т.е. чаша вина, выпитая в знак благодарственного обета. Первое полустихие перекликается с известной строкой из газели Хафиза [13, с. 248]: «Суфии, танцую, испили благодарственную чашу». Халил Хатиб Рахбар в комментарии к газели Хафиза отмечает, что вино, выпитое суфием во время танца, свидетельствует о том, что действие происходит во время суфийского экстатического собрания (*сама'*) [13, с. 248]. О. Ф. Акимускин, однако, пишет, что у не'маталлахи во время *сама'* танцы и пение, а также экстатические телодвижения были запретны, хотя музыка разрешалась [3, с. 192]. Можно из этого сделать вывод, что газель написана в период пребывания Лахути в секте Хейрана, где практиковалось экстатическое поведение. «Следование моулави» – еще один довод в пользу того, что поиски истины в братстве строились на экстатическом поведении и *мистических* прозрениях.

Согласно Али Башири, шейх Сейид Салех Хейран был главой *силсила* (т.е. цепочки суфийских братств) не'маталлахи. Однако спустя некоторое время поэт перешел от Хейрана к Абдали-шаху и Мирзе Мухаммаду 'Али, известному как Мазлум Керманшахи, который «был из дервишей и проповедников Керманшаха» [1, с. *си-во йек-си-во до*].

В секте Сейид Хасана Керманшахи, имевшего титул Учак (точка, вокруг которой движется циркуль, синоним титула *кутб*, букв. «полюс»), в переносном смысле «достигший высшего духовного совершенства», вероятнее всего практиковались обряды и обычаи не'маталлахи. Этой секте была свойственна «воинствующая и агрессивная» практика, упоминание про «долю аристократизма» в отношении не'маталлахи подтверждается словами самого поэта: «Сейид Хасан Учак построил против дома своего отца пышное кирпичное здание, в нем находились два-три просторных зала. Вечерами по четвергам там собирались мюриды, большая часть которых была из числа аристократов и богачей, поскольку к ней принадлежали довольно высокопоставленные люди Керманшаха. Поговорив на разные темы, выпив сладкий чай, все расходились по домам. На этих собраниях никто не курил терьяк» [2, с. 48].

Последний шейх, о котором мы узнаем из «Воспоминаний», был Асадулла-хан Кашани, адепты которого соблюдали правила скромного поведения и довольствования малым [2, с. 49].

Вступление Лахути в ряды суфиев было самым определенным образом связано с идеями эгалитаризма и демократизма, привлекавшим его в учении *ахл-е хакк*, тогда как разный тип поведения, с которым он сталкивался в каждой секте, нашел отражение в его газелях, в которых можно найти и экстатические, «с явным уклоном к [ордену] *моулави*», и «жестокие», и «уравновешенные» образцы, многие стихи прочитываются именно в названных ключах, даже если не знать об этой классификации из воспоминаний самого поэта.

Суфийские мотивы в газели Лахути

Прежде всего, в газелях Лахути есть прямые следы его принадлежности к *ахл-е хакк*, или *'али-илахи*. В некоторых случаях это вытекает из его заявлений и обращений к пирам, в других более непосредственно:

Я сам *'али-илахи*, меня осведомила об этом Истина,
Будет неуместным, если аскет бросит мне обвинение в ереси.
«Эликсир» [1, с. 814]

Лахути упоминает в стихах имена старцев-наставников.

Как мог бы глаз в темноте увидеть путь к воде вечности,
Если бы его Хизром-проводником не стало попечение Хейран-шаха.
«Сердце дервиша» [1, с. 822]

Сейид Салех Хейран упомянут в таких стихах, как «Зеркало солнца» [1, с. 811], «Восхваление старца-[наставника]» и др. В других местах упомянуты Асадулла-хан, например, «Восхваление» [1, с. 779] и Мазлум, например «Подарок из путешествия» [1, с. 778], и др.

В некоторых случаях возникает тема инкарнации как воплощение в другой одежде:

Шах в райской одежде¹⁵ с атрибутами Преславного,
Открыл источник любви и чистоты из сердца сухой глины.
«Источник *'эрфана*» [1, с. 813]

Здесь мы встречаем намек на «воплатъение», отмеченное В. А. Жуковским. «Сухая [*салсāl*]» – слово толкуется в сноске к газели [1, с. 813] как «сухая глина, глина гончарная» – аллюзия к аяту о сотворении человека из глины: «И мы сотворили уже человека из звучащей [*салсал*]¹⁶, из глины, облеченной в форму» (Коран 15:26, пер. И. Ю. Крачковского)¹⁷.

Зная о символической трактовке вина в суфизме, можно заметить, что сам мотив вина в ранних газелях используется довольно ограниченно

¹⁵ Букв. «рубаха, платье» (*салабāн*).

¹⁶ В данном аяте Корана в слове *салсал* оба «а» краткие.

¹⁷ В переводе М.-Н.-О. Османова (1999): «Воистину сотворили мы человека из глины сухой, звонкой, из ила, в форму отлитого» (Коран, 15:26). См. также: Коран, 15:28.

но и однообразно, но «платьев» у него множество: *сагар, кадах, ратл, чамане* и др. Возможно, это не случайное обстоятельство.

Для персидской поэзии обычно упоминание имени Давуд. Давуд был среди сподвижников пророка Мухаммада, однако впоследствии в поэзии произошла контаминация Давуда с образом царя Давида [4, р. 184]. Давуд, как сказано выше, занимает важное место в ангелологии *ахл-е хакк*. У Лахути он упомянут в контексте битвы Давида с Голиафом:

Душа с натурой Голиафа для меня не соперник во время битвы,
Я – муж сражения, твой Давуд, одетый в кольчугу.

«Кровь Сиавуша» [1, с. 844]

У ‘али-илахи Давуд – один из двух наиболее почитаемых и призываемых на помощь фигур (помимо Биньямина). Есть такой обычай: когда ребенок пытается поднять нечто тяжелое для его слабых сил, он взывает к Давуду [4, р. 184]. В приведенном бейте – извечная тема суфийской поэзии – борьба с собственным *нафсом*, натурой, влекущей человека к дурному, животной душой. Здесь поэт, часто напоминающий о своем юном возрасте, уверен в победе, он ассоциирует себя с всадником¹⁸, одетым в кольчугу, и с юным Давудом, вышедшим на бой с силачом-Голиафом.

В «Воспоминаниях» Лахути рассказывает, как сын наставника Сейида Исма‘ила Учака перебил «бунтовщиков против власти», так он титуловал своих врагов, мешавших ему захватить землю. Сначала он принял их как радушный хозяин, а потом вероломно расправился с «гостями». Не эта ли, либо другая кровавая история отражена в следующем бейте:

Я, как детеныш верблюдицы Салеха, – ради пролития моей крови
Братья по *тарикуату* вытащили меч.

«Восхваление старца-[наставника]» [1, с. 750]

По легенде, на пророка Салеха, посланного народу Самуд, напали враги и убили верблюдицу, а верблюжонок счастливо спасся, прильнув к скале и слившись с ней.

Если вспомнить о сакральных фигурах, выступающих в учении *ахл-е хакк* о перевоплощениях, то в другой газели встречается скрытый намек на Баба Тахира. С его знаменитым четверостишием:

На поведение – глаза и сердце жалуются друг на друга,
Все, что видят глаза, запоминает сердце.
Наточу я кинжал, стальное острие,
Ударю по глазам, чтобы свободным стало сердце...

перекликаются строки Лахути:

Если нет у тебя глаз, видящих истину, какие есть у Лахути,
Не хвались зрением, пойдешь вонзи в глаза ланцет.

«Скрижаль любви» [1, с. 823]

¹⁸ У *ахл-е хакк* Давид известен как всадник на темно-сером коне [4, р. 184].

Маулана Руми, как представляется, наиболее близок стилистике газелей Лахути с экстатическими мотивами, в частности – мотивами пения, музыки и танцев, как известно, практиковавшимися последователями Руми, моулави, «вращающимися дервишами». Кроме того, одна газель Лахути имеет редиф *ārzu-st*. В «Диване Шамса» Руми есть по крайней мере три газели с этим редифом, одна из которых знаменита.

Идеал мира – мир, дарящий сердцу радость, возвышенный и близкий к божественному, как того требуют каноны суфийской поэзии.

Взыскуй такого мира, чтобы в его просторах танцевали сердце и душа,
Взойди в зенит Близости и разбей палатку выше девяти сфер.

«Скрижаль любви» [1, с. 823]

Ранняя газель Лахути традиционна, в ней еще не видно того Лахути, который хорошо знаком русскому читателю по многим переводам и изданиям. Но мы можем отметить ряд мотивов, которые показывают путь к тому Лахути, каким он станет впоследствии.

Возьмем, например, частый в ранней газели мотив молодости поэта-дервиша. Сначала это образ ребенка, ведомого наставником, впитывающего в себя его благодатное попечение (*химмат*) и милости. Затем ребенок духовно мужает («Хоть я и дитя, но мысль моя зрела») и понимает, что сам может быть наставником, так преуспел он в постижении истины. А это значит – он может вести людей к истине, любви и спасению. Он постоянно возвращается к своему почетному прозвищу (*лакабу*) Лахути («Ангел» [1, с. 844]), и точка зрения его на мирские дела обусловлена его местопребыванием (*лахут* – божественный, духовный мир). В экстатическом бейте, второе полустушише которого является *зикром*, поэт уподобляет себя вещи птице, приносящей истинное знание из мира духовности:

Я птица истины, провозвестник истины и [птица], говорящая истину,
Он, Он – Истина, Он, Он – Истина, Он, Он – Истина, Истина – Он!

«Птица истины» [1, с. 871]

Но чтобы познать истину, нужна устремленность к высоким целям:

Иди, ступай мужественно в долину дорог и исканий,
И пойми тайный смысл того, что поет тебе Лахути!

«Грудь [горы] Синай» [1, с. 866]

Он, наверное, ощутил в себе большие силы, предвидя судьбу, с которой ему придется сразиться:

Я только дитя, но
Веду за собой сотни тысяч.

«Ангел» [1, с. 843]

Заключение

За 11 лет до Лахути в Индостане, в небольшом пенджабском городе Сиалкот родился поэт-философ Мухаммад Икбал (1877–1938), получивший почетное звание Поэт Востока.

Многое в творческой биографии двух поэтов, особенно в его истоках, кажется удивительно созвучным, хотя судьбы поэтов сложились, можно сказать, противоположным образом. Обоих поэтов волнуют такие важные вопросы бытия, как проблема личности, роль человека на земле, противостояние любви и разума, поиски истины. В своей ранней поэзии Икбал был под влиянием английских романтиков и лишь позже под давлением мусульманских авторитетов заявил о своей приверженности к умеренному суфизму. Лахути больше не возвращается к суфизму, посвятив ему долю своего вдохновения в ранней молодости.

Несмотря на то что каждый поэт выбирает свой путь, в их творческой судьбе проступает одна общая закономерность. Оба они находятся во власти единой мусульманской культуры, и оба пытаются вывести из нее законы, которые должны помочь людям перестроить мир, изменить его к лучшему. Для обоих поэтически продуктивными оказываются гуманистические идеалы, хранимые памятью народа. Икбал выстраивает свою философию действия и Совершенного человека. Лахути же сам является собой образ Человека действия, выдающегося личного мужества, революционера, а переломные моменты его жизни как бы олицетворяют ту власть человека над своей судьбой, которую Икбал считал непременным условием формирования Совершенного человека и создания нового мира. Ибо, по его убеждению, спасение человечества могло быть достигнуто разумными действиями сообщества совершенных людей будущего.

Литература

1. *Диван-е Абу'л Касим Лāхути*; бā кушеш ва мокаддеме-йе Ахмад Башири. Техран, чāпхāне-йе Сепехр; 1328/1979. (На перс. яз.)
2. Лахути А. *Моя жизнь*. Памир (Душанбе). 1982;11:36–53.
3. Милославский Г. В., Петросян Ю. А., Пиотровский М. Б., Прозоров С. М. (ред.) *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука; ГРВЛ; 1991.
4. Stead F. M. The Ali Ilahi Sect in Persia. *The Moslem World*. 1932;12(2):184–189.
5. Ivanow W. *The Ali-Ilahis or Ahl-i Haqq*. (In Eng.) Available at: <http://www.ismaili.net/Source/0723/07234b.html>
6. Корбен А. *История исламской философии*. 3-е изд. М.: Академический проект; Садра; 2016.
7. Nasir al-Din Tusi. *Paradise of Submission. A medieval Treatise on Ismaili Thought*. A New Persian Edition and English translation of Nasir al-Din Tusi's Rawda-yi taslim. Edited and Translated by S. J. Badakhchani. London & New York: I. B. Taurus Publishers in association with the Institute of Ismaili Studies; 2005.

8. Daftary F. *The Ismā'īlīs. Their history and doctrines*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999.
9. Тримингем Дж. С. *Суфийские ордены в исламе*. М.: Наука; ГРВЛ; 1989.
10. Минорский В. Ф. (пер.) *Материалы для изучения персидской секты «Люди Истины» или «Али-Илахи*. Ч. 1. М.: Тип. «Крестного календаря»; 1911.
11. Жуковский В. А. *Секта «Людей истины» – Ahli hakk – в Персии*. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук; 1887.
12. Minorsky V. Ahl-i Ḥaḳḳ. In: Gibb H. A. R., Kramers J. H., Lévi-Provençal E., Schacht J., Stern S. M. (eds) *The Encyclopaedia of Islam*. Leiden: E. J. Brill; 1986. Vol. 1. P. 260–263.
13. *Диван-е газалийат-е Мавлана Шамс ад-Дин Мухаммад Хадже Хāфез-е Ширази*. Ба кушеш-е доктор Халил Хатиб Рахбар. Техран 1372/1994. (На перс. яз.)
14. Вассерман Дж. Тамплиеры и ассасины: *Стражи небесных тайн*. СПб.: Евразия; 2008. Гл. 10. Низариты-исмаилиты в наши дни. Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/315853>
15. Лахути А. Курдистан и курды. *Новый Восток*. 1923;4:58–71.

References

1. *Divān-e Abu'l Qasem Lāhuti*; bā kušeš va moqaddame-ye Aḥmad Baširi, Tehrān, čāpxāne-ye Sepehr; 1328/1979. (In Pers.)
2. Lāhuti A. My Life. *Pāmīr (Dushanbe)*. 1982;11:36–53. (In Russ.)
3. Miloslavskii G. V., Petrosyan Yu. A., Piotrovskii M. B., Prozorov S. M. (ed.) *Islam. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Nauka; GRVL; 1991. (In Russ.)
4. Stead F. M. The Ali Ilahi Sect in Persia. *The Moslem World*. 1932;12(2):184–189.
5. Ivanow W. *The Ali-Ilahis or Ahl-i Haqq*. Available at: <http://www.ismaili.net/Source/0723/07234b.html>
6. Corbin H. *History of Islamic philosophy*. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt; Sadra; 2016. (In Russ.)
7. Nasir al-Din Tusi. *Paradise of Submission. A medieval Treatise on Ismaili Thought*. A New Persian Edition and English translation of Nasir al-Din Tusi's Rawda-yi taslim. Edited and Translated by S. J. Badakhchani. London & New York: I. B. Taurus Publishers in association with the Institute of Ismaili Studies; 2005.
8. Daftary F. *The Ismā'īlīs. Their history and doctrines*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999.
9. Trimmingham J. S. *The Sufi Orders in Islam*. Moscow: Nauka; GRVL; 1989. (In Russ.)
10. Minorsky V. F. (transl.) *Materials to study the Persian sect "People of Truth" or Ali-Ilahi*. Part 1. Moscow: Tipografiya "Krestnogo kalendar'ya"; 1911. (In Russ.)
11. Zhukovsky V. A. *The sect "People of Truth" (Ahl-i Haqq) in Iran*. St Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk; 1887. (In Russ.)
12. Minorsky V. Ahl-i Ḥaḳḳ. In: Gibb H. A. R., Kramers J. H., Lévi-Provençal E., Schacht J., Stern S. M. (eds) *The Encyclopaedia of Islam*. Leiden: E. J. Brill; 1986. Vol. 1, pp. 260–263.
13. *Divān-e gāzaliyāt-e Mawlāna Šams al-Dīn Muḥammad Xvāja Ḥāfez-e Šīrāzī*. Ba kūšeš-е doctor Xalīl Xaṭīb Rahbar. Tehrān; 1372/1994. (In Persian)

14. Wasserman J. *The Templars and assassins: the Guardians of the Heavenly Secrets*. St Petersburg: Evraziya; 2008. Available at: <https://history.wikireading.ru/315853> (In Russ.)

15. Lahuti A. *Kurdistan and Kurds. Novyi Vostok*. 1923;4:58–71. (In Russ.)

Информация об авторе

Пригарина Наталья Ильинична, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Natalia I. Prigarina, PhD habil (Philol), Professor, Head Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 октября 2019 г.
Одобрена рецензентами: 28 октября 2019 г.
Принята к публикации: 6 ноября 2019 г.

Article info

Received: October 17, 2019
Reviewed: October 28, 2019
Accepted: November 6, 2019